

Оригинальная статья

УДК 159.99

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-1-45-61

Оценка риска совершения преступлений лицами, освобожденными из мест лишения свободы

Антон Сергеевич Душкин

Санкт-Петербургский университет МВД России

(Санкт-Петербург, Россия)

dushkin-ac@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9139-1585

Елена Сергеевна Федотова

Костанайская академия МВД Республики Казахстан

имени Шракбека Кабылбаева (Костанай, Казахстан)

fedotova@kostacademy.edu.kz

ORCID: 0009-0000-9966-834X

Аннотация

Введение. В зарубежных странах оценка риска преступного поведения признана обязательной процедурой при изучении вероятности совершения осужденным повторного преступления. В статье представлены наиболее широко известные и часто применяемые инструменты оценки риска преступного поведения. Особое внимание уделено прогностическим возможностям этих инструментов для оценки риска совершения преступлений лицами, освобожденными из мест лишения свободы в Российской Федерации и Республике Казахстан. Ввиду формирующейся традиции использования инструментов оценки рисков в практических целях и открывающихся возможностей для проведения соответствующих исследований большое внимание авторы уделяют обзору инструментов, используемых в зарубежных странах. Целью исследования выступает теоретическое обоснование инструмента оценки риска совершения преступлений лицами, освобожденными из мест лишения свободы, а также анализ зарубежного опыта операционализации и верификации данного инструмента. **Методы исследования.** В исследовании использованы общенаучные методы: (анализ, синтез, систематизация, обобщение, аналогия), специальные методы: сравнительный (при изучении инструментов оценки риска совершения преступлений), формально-юридический (для исследования нормативных правовых актов). **Результаты.** Проведенное исследование демонстрирует широкий спектр подходов и моделей в области оценки риска преступного поведения. Классифицированы инструменты оценки риска преступного поведения, которые в исторической перспективе можно обобщить по четырем поколениям в соответствии с хронологией. Первое (и наименее надежное) – оценка риска рецидива на основе клинического заключения профессионалов. Этот этап характеризовался субъективностью измерений. Второе поколение было основано на актуарной оценке с использованием взвешенных статистических предикторов и уровней значимости для рецидива. За этим последовало третье поколение, которое стремилось объединить факторы риска на основе теории статической оценки риска. Четвертое поколение инструментов основано на понимании того, что риск необходимо оценивать как непрерывный и динамичный процесс, связанный как с собственно риском, так и с потребностями и ресурсами личности. Этот подход предполагает, что сопровождение правонарушителей в ходе постпенитенциарной пробации является эффективным средством успешной оценки риска на основе учета их индивидуально-психологических особенностей и ресурсов.

Ключевые слова

криминальная рискология, прогнозирование, криминогенность, оценка риска, рецидивная преступность, административный надзор

Для цитирования: Душкин, А. С., Федотова, Е. С. (2024). Оценка риска совершения преступлений лицами, освобожденными из мест лишения свободы. *Российский девиантологический журнал*, 4 (1), 45–61. doi: 10.35750/2713-0622-2024-1-45-61.

Original paper

Assessment of the risk of committing crimes by persons released from prison

Anton S. Dushkin

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

(Saint Petersburg, Russia)

dushkin-ac@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9139-1585

Elena S. Fedotova

Kostanay Academy of the Internal Affairs Ministry of the Republic of Kazakhstan

named after Shrakbek Kabyrbayev (Kostanay, Kazakhstan)

fedotova@kostacademy.edu.kz

ORCID: 0009-0000-9966-834X

Abstract

Introduction. While studying recidivism prediction, criminal risk assessment is considered in many countries a mandatory procedure. The paper presents the most widely known and frequently applied risk assessment tools. Special attention is paid to predicted risk assessment tools for individuals released in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. Taking into account the emerging tradition of using these risk assessment tools for practical purposes and the opportunities for conducting relevant research, much attention is paid to reviewing the tools used abroad. The purpose of the study is to provide the theoretical grounds for recidivism risk assessment tools, as well as the analysis of foreign experience in application and verification of this tool. **Research methods.** The research uses general scientific methods: (analysis, synthesis, systematization, generalization, analogy), special methods: comparative (when studying tools for assessing the risk of recidivism), formal legal (for the study of normative legal acts). **Results.** The research demonstrates a wide range of approaches and patterns in the area of criminal behavior risk assessment. Criminal behavior risk assessment tools were classified, and they can be summarised in a historical perspective into four generations according to chronology. The first and least reliable approach is to assess the risk of recidivism based on the clinical opinion of professionals. At this stage the measurement was characterised by its subjectivity. The second generation was based on actuarial valuation using reliable statistical predictors and significance levels for recidivism. The third generation tended to combine risk factors based on the theory of static risk assessment. The fourth generation of tools is based on the understanding that risk should be assessed as a continuous and dynamic process related to both the risk itself and the needs and resources of the individual. This approach considers that offenders' supervision in post-penitentiary probation is an effective means of successful risk assessment based on their individual psychological characteristics and resources.

Keywords

criminal riskology, prediction, criminogenicity, risk assessment, recidivism, administrative supervision

For citation: Dushkin, A. S., Fedotova, E. S. (2024). Assessment of the risk of committing crimes by persons released from prison. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (1), 45–61. doi: 10.35750/2713-0622-2024-1-45-61.

Введение

Одним из существенных факторов, осложняющих криминогенную обстановку в Российской Федерации и Республике Казахстан, является высокий уровень рецидивной преступности. Проблема профилактики рецидивной преступности является одной из первостепенных в деятельности различных правоохранительных органов. Данное обстоятельство связано прежде всего с тем, что лица, неоднократно совершающие преступления, часто решительно настроены на устойчивое неприятие общепринятых норм общества и противостояние им.

В 2023 году в Российской Федерации больше половины (59,8 %) расследованных преступлений было совершено лицами, ранее совершавшими преступления¹. При этом удельный вес ранее судимых лиц вырос с 29,6 % в 2019 г. до 31,2 % в 2023 г.²

В качестве одного из вызовов, отраженных в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года определено, что лица, освобожденные из мест лишения свободы (далее – освобожденные)³, не адаптированы к жизни в гражданском обществе. Отсутствие системы пробации приводит к потере такими лицами социальных связей, жилья, средств к существованию. Профессиональные навыки таких лиц остаются невостребованными. Следствием всего этого является рост рецидивной преступности. Термин «пробация» в английской терминологии права «probation» буквально переводится – «испытание, проверка» (Дружининская, Титова, 2023).

В условиях реализации государственной политики и регулирования общественных отношений, возникающих в сфере организации и функционирования пробации, принят Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. №10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». Целями пробации являются коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, в отношении которых применяется пробация, предупреждение совершения ими новых преступлений⁴.

Впервые в Российской Федерации введена постпенитенциарная пробация (данная норма вступает в силу с 1 января 2025 года). Постпенитенциарная пробация – вид пробации, применяемый в отношении лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и оказавшихся в трудной жизненной

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2023 года (2024, 20 января). *Официальный сайт МВД России* [Электронный ресурс] URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 01.03.2024).

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2019 года (2020, 24 января). *Официальный сайт МВД России* [Электронный ресурс] URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450/> (дата обращения: 01.03.2024).

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 года № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» (ред. от 27.05.2023). *КонсультантПлюс*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_383610/

⁴ Федеральный закон от 6 февраля 2023 года №10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (2023). *КонсультантПлюс*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439127/

ситуации, представляющий собой совокупность мер, направленных на ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию⁵.

Федеральной службой исполнения наказаний (далее – ФСИН России) был реализован «План профилактики повторной преступности среди осужденных, освобождающихся из мест лишения свободы, на 2020–2022 годы». Целью данного плана являлось совершенствование эффективности работы по подготовке осужденных к освобождению от отбывания наказания в виде лишения свободы, формированию условий для успешной реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы, сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими уголовное наказание в виде лишения свободы.

В связи с развитием действующего законодательства в сфере профилактики правонарушений в Российской Федерации не теряют своей актуальности вопросы административного надзора, который осуществляют органы внутренних дел в отношении лиц, освободившихся из мест лишения свободы⁶. В 2023 г. сотрудниками органов внутренних дел профилактическая работа проводилась с 114 221 лицом, состоящим под административным надзором. На активизацию деятельности территориальных органов МВД России по противодействию рецидивной преступности, предупреждению правонарушений, совершаемых ранее судимыми лицами, в том числе состоящими под административным надзором, было направлено впервые проведенное в 2022 году комплексное федеральное оперативно-профилактическое мероприятие «Рецидив» (Душкин, 2022).

Необходимо отметить устойчивую тенденцию роста количества преступлений, совершенных лицами, состоящими под административным надзором с 2012 г. по 2023 г. В 2012 г. – 2662, в 2023 г. – 28311. Увеличение количества преступлений, совершенных лицами, состоящими под административным надзором, указывает на недостатки в деятельности всех субъектов системы предупреждения рецидивной преступности.

А. М. Потапов, С. Г. Куликов установили, что «по содержанию административный надзор в странах Содружества Независимых Государств выражается в наблюдении за освободившимися в части соблюдения последними обязанности нахождения по месту жительства (пребывания), правопослушного поведения, прибытия для регистрации и профилактических бесед» (Потапов, Куликов, 2022). В ряде случаев данный вид контроля может сочетаться с деятельностью службы пробации (например, в Республике Казахстан), сотрудники которой проводят изучение личности освобожденного с установлением состояния здоровья, уровня его образования, трудовой занятости, наличия места жительства, а также выясняют иные сведения, необходимые для определения объема предоставляемой ему социально-правовой помощи, разъясняют порядок ее предоставления.

Разновидностями постпенитенциарного контроля выступают: пробационный контроль в Республике Казахстан (статья 19 УИК Казахстана).

Содержание пробационного контроля в Республике Казахстан во многом аналогично административному надзору в данной стране, различаются только категории лиц, в отношении которых реализуются данные виды контроля.

В рамках реализации положений Концепции правовой политики в 2012 году в структуре уголовно-исполнительной инспекции в Республике Казахстан были созданы подразделения службы пробации, которая не только осуществляет контроль за поведением осужденных, но

⁵ Федеральный закон от 6 февраля 2023 года №10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (2023). *КонсультантПлюс*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439127/

⁶ Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (2011). *КонсультантПлюс*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1127

и оказывает им содействие в получении социально-правовой помощи, включающей в себя трудоустройство, получение образования и профессии, оказание медицинских услуг, юридической, психологической и иной социальной помощи.

С 1 января 2015 года в Республике Казахстан введен в действие Уголовно-исполнительный кодекс, в котором предусмотрены нормы, регламентирующие процесс ресоциализации осужденных, освобождающихся из мест лишения свободы. Ведущая роль отводится модернизации механизма комплексной реализации возможностей государственных органов, общественных объединений и граждан в оказании лицам, освободившимся из мест лишения свободы и находящимся на учете службы пробации, необходимого объема социально-правовых услуг, причем акцент сделан на повышении эффективности взаимодействия всех субъектов правоотношений.

Указом Президента Республики Казахстан от 8 декабря 2016 года № 387 была утверждена Комплексная стратегия социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации в Республике Казахстан на 2017–2019 годы (далее – Комплексная стратегия). Цель Комплексной стратегии – создание национальной системы комплексной ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации, условий для ее эффективной реализации, способствующих снижению уровня повторной преступности⁷. Комплексная стратегия была ориентирована на устранение предпосылок социальной дезадаптации и депривации гражданина после освобождения из мест лишения свободы и в период нахождения на учете службы пробации. Постановлением Правительства Республики Казахстан от 29 декабря 2016 года № 912 был утвержден План мероприятий по реализации Комплексной стратегии социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации, в Республике Казахстан на 2017–2019 годы⁸.

Логическим завершением законотворческого процесса в рассматриваемой сфере стало принятие Закона Республики Казахстан от 30 декабря 2016 года «О пробации»⁹.

Эффективным инструментом социальной реабилитации граждан является институт пробации. В настоящее время в Республике Казахстан действует служба пробации, которая наряду с контрольными функциями оказывает содействие в получении социально-правовой и иной помощи. Постепенно расширяется деятельность и совокупность мер по установлению и осуществлению пробационного контроля в отношении лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы, и оказанию им социально-правовой помощи¹⁰.

Принимаемые профилактические меры в Республике Казахстан позволили за последние 5 лет в два раза снизить уровень преступлений, совершенных ранее судимыми (с 50 тыс.

⁷ Указ Президента Республики Казахстан от 8 декабря 2016 года № 387 «Об утверждении комплексной стратегии социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации в Республике Казахстан на 2017–2019 годы» (2016). *Информационно-правовая система нормативных актов Республики Казахстан «Әділет»*. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1600000387>

⁸ Постановление Правительства Республики Казахстан от 29 декабря 2016 года № 912 «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Комплексной стратегии социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации, в Республике Казахстан на 2017–2019 годы» (2016). *Информационно-правовая система нормативных актов Республики Казахстан «Әділет»*.

⁹ Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2016 года № 38-VI ЗРК «О пробации» (2016). *Информационно-правовая система нормативных актов Республики Казахстан «Әділет»*. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z160000038/z38_1.htm

¹⁰ Там же.

до 24,3 тыс.)¹¹. Среди совершивших уголовные правонарушения 40 % составляют лица, ранее привлекавшиеся к уголовной ответственности. Более 91 % повторных преступлений совершается тремя категориями ранее судимых лиц, не подлежащих профилактическому контролю со стороны органов внутренних дел:

- освобожденными из учреждений уголовно-исполнительной системы по прошествии 1 года;
- осужденными к альтернативным видам наказания (штраф);
- досудебное расследование в отношении которых прекращено по нереабилитирующим основаниям¹².

Таким образом, механизм профилактического учета в отношении остальных категорий оказывает определенный сдерживающий эффект. В целом лица, попавшие однажды в орбиту уголовного преследования, находятся в зоне высокого риска совершения повторных правонарушений.

Данные вызовы требуют разработки современной оценки риска совершения повторных преступлений.

В международной практике в последние десятилетия произошли существенные изменения в подходах к предупреждению преступности. Доказано, что более эффективно и выгодно для общества предпринимать коллективные и упреждающие действия в этой сфере, чем закреплять эту функцию только за полицией.

Это отражено в стратегических документах многих стран. Они характеризуются высоким уровнем защиты населения от преступности, доверия к полиции (90 %), а также партнерства с обществом в сфере профилактики правонарушений.

Анализ зарубежного опыта показывает, что современные стратегии профилактики правонарушений и прогнозирования преступности основываются на научно доказанных данных о ключевых факторах, влияющих на преступность. Также в ходе проведенного анализа установлено, что в предупреждении новых преступлений используется система определения рисков, основу которой составляет изучение личности, а результаты оценки риска применяются при организации исполнения наказания, принятии решения об усилении контроля или освобождении.

В Республике Казахстан в 2018 году согласно Плану мероприятий по реализации Комплексной стратегии социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации, внедрены в деятельность службы пробации современные методы изучения личности, в том числе система предупреждения рисков, основанная на анализе оценки рисков рецидива преступлений и возможностей социальной реабилитации (Risk-needs-responsibility) с целью индивидуализации процесса ресоциализации.

Приказом министра внутренних дел Республики Казахстан от 27 ноября 2018 года № 860 утверждены Методические рекомендации применения инструмента оценки риска правонарушителя в отношении подучетных лиц службы пробации уголовно-исполнительной системы¹³ (далее – инструмент оценки риска совершения уголовных правонарушений).

¹¹ Постановление Правительства Республики Казахстан от 29 декабря 2023 года № 1233 «Об утверждении Концепции обеспечения общественной безопасности в партнерстве с обществом на 2024-2028 годы (в сфере профилактики правонарушений)» (2023). *Информационно-правовая система нормативных актов Республики Казахстан «Әділет»*. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300001233>

¹² Там же.

¹³ Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 27 ноября 2018 года № 860 «Об утверждении Методических рекомендаций применения инструмента оценки риска правонарушителя в отношении подучетных лиц службы пробации уголовно-исполнительной системы» (2015). *Информационно-правовая система нормативных актов Республики Казахстан «Әділет»*. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500012538>

Инструмент оценки риска совершения уголовных правонарушений – это одна из основ современной системы правосудия. Его преимущества:

- осознание степени риска, которую представляют отдельные граждане, находящиеся на учете службы пробации, таким образом, чтобы можно было более эффективно осуществлять контроль над ними и рационально использовать ресурсы;
- понимание их индивидуальных потребностей и сильных сторон, которые можно развивать с целью ресоциализации и удержания от совершения разного рода преступлений;
- составление досудебного доклада до начала судебного разбирательства;
- оценка изменений в поведении человека на протяжении определенного периода.

Задачи:

- оценить поведение осужденного в аспекте возможного совершения им нового правонарушения;
- разработать методы по недопущению совершения личностью нового правонарушения;
- в ходе постоянной работы с личностью максимально добиваться изменения ее поведения путем ресоциализации.

В ходе изучения лиц, подучетных службе пробации, исследуются условия их жизни, социально-демографическая, психосоциальная и криминологическая характеристика.

Целью изучения личности является максимально полное выяснение качеств, характеризующих личность и существенным образом определяющих его мышление, восприятие действительности и конкретные действия, поступки. Изучение основывается на принципах объективности, целостности, реальности и системности.

Риски формируются и проявляются под влиянием внешних факторов – это окружение, среда обитания, социальное и материальное положение. Базовая структура инструмента оценки основана на статичных и динамичных факторах риска и потребностей правонарушителя.

Статичные факторы – это неизменные данные, например, личные данные правонарушителя, информация о правонарушении и преступлении, история судимости, срок отбывания наказания в местах лишения свободы и т. п. Динамичные факторы – это данные, которые могут изменяться под воздействием внешних факторов, например, оказание социально-правовой помощи сказывается на социальном статусе правонарушителя.

Результатом оценки риска совершения уголовных правонарушений является составленная программа индивидуальной работы с подучетным лицом службы пробации. При этом рекомендуется каждые шесть месяцев проводить с подучетным лицом повторную оценку риска совершения уголовных правонарушений для отслеживания изменений динамичных факторов, также их сравнение с новыми результатами.

При применении инструмента оценки риска совершения уголовных правонарушений служба пробации определяет категорию подучетных лиц с низкой, средней и высокой вероятностью совершения нового правонарушения.

Общая оценка разделов статичных и динамичных факторов содержит следующие индикаторы:

- 1) уголовная история;
- 2) жилищно-бытовые условия;
- 3) образование, обучение и трудоустройство;
- 4) взаимоотношения;
- 5) образ жизни;
- 6) употребление наркотических, психотропных веществ и прекурсоров;
- 7) злоупотребление алкоголем;
- 8) мышление и поведение;

- 9) отношение / взгляды;
- 10) управление финансами;
- 11) эмоциональное благополучие;

Каждый из представленных выше индикаторов содержит от 2 до 9 вопросов.

Уровень риска совершения уголовных правонарушений определяется путем суммирования баллов оценки статичных и динамичных факторов, а уровень факторов – суммой баллов индикаторов.

Необходимо отметить, что инструмент оценки риска совершения уголовного правонарушения в Республике Казахстан применяется на всех стадиях пробаии: досудебной, приговорной, пенитенциарной, постпенитенциарной.

В Российской Федерации инструмент оценки риска совершения преступлений нормативно не закреплен.

Например, в профессиональной служебной деятельности сотрудники уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России (далее – УИИ) используют только методику индивидуального прогнозирования поведения условно осужденных – «Портрет»¹⁴. Данная методика была разработана в 2003 г. в Томском государственном университете (составитель К. Н. Тараленко).

Сотрудники УИИ для прогнозирования поведения условно осужденных заполняют формуляр методики, содержащий следующий список признаков:

- 1) вид преступления, за которое лицо осуждено, его предмет и характер;
- 2) факт осуждения на момент совершения преступления;
- 3) соучастие в преступлении;
- 4) возраст на момент совершения преступления;
- 5) образование осужденного;
- 6) занятость осужденного;
- 7) семейное положение;
- 8) иные обстоятельства, характеризующие осужденного;
- 9) срок наказания в виде лишения свободы;
- 10) испытательный срок условного осуждения.

В зависимости от наличия перечисленных выше признаков сотрудник УИИ проставляет соответствующие баллы, совокупность которых позволяет отнести условно осужденных к одной из трех категорий:

- 1) 21 балл и более – высокая вероятность совершения преступления в течение испытательного срока;
- 2) 11–20 баллов – средняя вероятность совершения преступления в течение испытательного срока;
- 3) 0–10 баллов – вероятность совершения преступления в течение испытательного срока незначительная.

Е. Е. Новиков отмечает, что «трансформировалась политика государства в сфере назначения и исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества. Появились новые виды альтернативных санкций и мер. В связи с этим методика “Портрет” не в полной мере стала себя оправдывать; возникла реальная потребность внесения изменений в рассматриваемую программу индивидуального прогнозирования поведения осужденных» (Новиков, 2016, с.154).

Существенный недостаток методики «Портрет» состоит в том, что она предназначена только для прогнозирования поведения условно осужденных, хотя в разделе «Описание методики»

¹⁴ Тараленко, К. Н. (сост.) (2003). *Рекомендации по индивидуальному прогнозированию поведения условно осужденных: методика «Портрет»*. РРІ.

сказано, что «данная программа может применяться в отношении осужденных к наказанию в виде исправительных работ»¹⁵, однако на практике она чаще всего не применяется.

Также необходимо отметить, что методика «Портрет» была разработана специально для самостоятельного применения сотрудниками УИИ, не имеющими психологической подготовки в области оценки риска совершения преступлений. Н. Е. Колесникова констатирует, что методика не содержит правил определения признаков, составляющих нравственно-психологическую и мотивационную характеристику личности осужденного, и правил их учета¹⁶.

Несмотря на высокий уровень криминализации лиц, состоящих под административным надзором и отрицательную динамику совершенных ими преступлений, у сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в настоящее время отсутствуют методики оценки риска совершения преступлений.

При этом М. М. Бабаев и Ю. Е. Пудовочкин доказывают необходимость формирования частной криминологической теории — криминальной рискологии. Они считают, что «в основу такой теории следует заложить представление о криминальном риске как о предметной реальности, особой характеристике и состоянии социальных явлений и процессов, развитие которых может привести к совершению преступления» (Бабаев, Пудовочкин, 2019, с. 136).

Мы согласны с утверждением Д. В. Голенко, что «с целью индивидуального прогнозирования поведения отдельного субъекта необходимо детальное изучение его психологического портрета: особенностей поведения в группе, целенаправленности поведения, осознания себя и своих ценностей, а также других личностных характеристик и особенностей поведения. Вероятность научного прогнозирования в указанном случае существенно увеличивается» (Голенко, 2018, с. 116).

М. Г. Дебольский констатирует, что «потребность общества в снижении рецидива и возвращении лиц, освободившихся из мест лишения свободы к законопослушному образу жизни, вызывает необходимость более активного участия психологов в оценке факторов риска повторной преступности и разработке целевых программ ресоциализации бывших осужденных» (Дебольский, 2014, с. 44).

Е. А. Дядченко на основе проведенного эмпирического исследования была обоснована «авторская технология психологического прогноза рецидивных преступлений несовершеннолетних, отбывающих наказания, не связанные с лишением свободы, разработанная на основе личностных и ситуативных детерминант, образующих деликтный потенциал данной категории личности несовершеннолетних» (Дядченко, 2013, с. 65).

Тем не менее комплексные психолого-криминологические исследования оценки риска преступного поведения, обобщающие применение инструментов риска в практической деятельности, особенности или результаты проведенных исследований, в Российской Федерации, как и в других в странах постсоветского пространства, отсутствуют.

Целью исследования выступает теоретическое обоснование инструмента оценки риска совершения преступлений лицами, освобожденными из мест лишения свободы, а также анализ зарубежного опыта операционализации и верификации данного инструмента.

Методы исследования

В исследовании использованы общенаучные методы: (анализ, синтез, систематизация, обобщение, аналогия), специальные методы: сравнительный (при изучении инструментов

¹⁵ Тараленко, К. Н. (сост.) (2003). *Рекомендации по индивидуальному прогнозированию поведения условно-осужденных: методика «Портрет»*. PRI.

¹⁶ Колесникова, Н. Е. (2024). *Психологическое сопровождение осужденных, отбывающих наказания без изоляции от общества: учебное пособие*. Юрайт.

оценки риска совершения преступлений), формально-юридический (для исследования нормативных правовых актов).

Результаты

В зарубежных странах оценку риска преступного поведения рассматривают как обычную процедуру, имеющую длительную практику применения, однако ее концепция и методы в последние десятилетия менялись довольно часто.

Алгоритмические инструменты оценки риска преступного поведения сегодня широко используются в системе уголовного правосудия и деятельности сотрудников правоохранительных органов зарубежных стран. Следует отметить, что для постпенитенциарного сопровождения освобожденных важна научно обоснованная и эмпирически подтвержденная основа для разработки инструментов оценки лиц, в том числе оценки риска повторного совершения преступлений.

Результаты оценки риска преступного поведения используются на различных этапах уголовного процесса, и в зависимости от результатов данной оценки определяется вид наказания, обеспечивая успешную ресоциализацию и реинтеграцию в общество, индивидуализируется программа коррекции поведения, а также принимается решение об условно-досрочном освобождении, постпенитенциарном сопровождении.

Согласно М. Филипсу, оценка определенного риска – это показатель, основанный на вероятностных расчетах того, что в будущем произойдет определенное нежелательное событие¹⁷. Что касается оценки преступного поведения, включая риск совершения преступлений освободившимися, то общепризнано, что такая задача является сложной для сотрудников правоохранительных органов (Дебольский, 2014).

Выявление и оценка степени выраженности и частоты проявления криминогенных факторов риска позволяют предсказывать вероятность совершения повторных преступлений. Под факторами риска в данном случае подразумеваются социальные условия и личностные особенности, которые могут оказать влияние на совершение повторного преступления (Мельникова, 2022). Оценка рисков также дает информацию об особенностях и криминогенных потребностях осужденного и освобожденного, актуальность которых может быть уменьшена или устранена целенаправленным применением соответствующих ресоциализационных мер.

М. Г. Дебольский разделяет точку зрения Р. Блэкборна, что при всем разнообразии позиций к оценке риска правонарушений за рубежом сформировалось два главных подхода: *клинический и статистический, или актуарный*¹⁸. В рамках клинического подхода осуществляется медицинская и психологическая диагностика правонарушителя с целью прогнозирования его поведения¹⁹. В этом случае специалист, выносящий свое суждение о риске, основывается на данных, полученных в ходе его неструктурированного интервью с преступником, а также на информации, содержащейся в его деле или при необходимости из других источников. К. Дуглас с соавторами утверждают, что данный метод прогнозирования основан на профессиональном мнении, опыте и интуиции; выбор факторов риска и способов их интерпретации абсолютно свободен (Douglas et al., 2014). По этой причине данный конкретный метод оценки рисков, несмотря на его популярность, постоянно подвергается критике за его недостаточную

¹⁷ Philipse, M. W. G. (2005). *Predicting criminal recidivism: Empirical studies and clinical practice in forensic psychiatry*. Thesis Radboud Universiteit Nijmegen. Netherlands: Febodruk, Enschede. Кукешмумув акць. <http://hdl.handle.net/2066/26944>

¹⁸ Блэкборн, Р. (2004). *Психология криминального поведения*: Пер. с англ. Питер.

¹⁹ Andrews, D. A., & Bonta, J. (2010). *The psychology of criminal conduct* (5th ed.). New Providence, NJ: LexisNexis Matthew Bender.

точность и надежность. Этот этап развития прогнозирования преступного поведения называют *оценками первого поколения*.

Для устранения пробелов, выявленных в инструментах оценки первого поколения, были внедрены *оценки второго поколения* в рамках статистического (актуарного) подхода в оценке рисков. Данные оценки направлены на измерение риска повторного совершения преступлений. Основной целью инструментов оценки второго поколения было обеспечение объективной оценки на основе статистических данных (Grove & Meehl, 1996).

Функции оценки рисков, выполняемые человеком, все чаще дополняются рядом актуарных, алгоритмических инструментов и искусственного интеллекта, которые призваны обеспечивать точные возможности прогнозирования просоциального или преступного поведения (McKay, 2020). В этом случае основу прогноза составляют эмпирически определенные факторы риска (например, возраст, количество преступлений, проблемы в детстве, семье и т.д.), которые связаны с преступным поведением посредством статистически значимой взаимосвязи (Lancaster & Lumb, 2006; Bullock, 2011). Однако во всем мире были высказаны этические опасения в отношении алгоритмов как запатентованных продуктов со встроенной статистической погрешностью (Alikhademi et al., 2021), а также в связи с уменьшением роли специалиста (Farayola et al., 2023).

В результате исследований было выявлено большое количество факторов риска преступного поведения. Первоначально с целью создания стандартизированных методов оценки рисков использовались так называемые исторические или статистические переменные (например, демографические характеристики, возраст, наличие судимости, характер совершенных преступлений и т.д.).

Несмотря на то, что инструменты оценки второго поколения оказались полезными и продемонстрировали соответствующие результаты, были выявлены ограничения. Эти оценки в основном состояли из статических факторов, которые не могут изменяться с течением времени. Это ограничение в отношении статических факторов риска привело к разработке *оценок риска третьего поколения*, которые были основаны на криминогенных потребностях личности. Важнейшим моментом в рамках этих оценок является учет того факта, что жизненные обстоятельства человека могут измениться, и, как следствие, может измениться и уровень его риска.

Оценки третьего поколения содержали те же компоненты, что и оценки второго поколения; однако вместо использования исключительно статических факторов риска был сделан акцент на динамических факторах риска²⁰. К динамическим факторам относятся, например, антиобщественные установки, импульсивность, злоупотребление психоактивными веществами и т.д. Данные факторы риска, которые часто называют криминогенными, требуют учета происходящих в жизни изменений (например, создание или потеря семьи) и оказались важными, поскольку инструменты были адаптированы к изменяющимся обстоятельствам в жизни человека. Учет динамических факторов риска в постепенитенциарном сопровождении освобожденных способствовал снижению рецидива²¹.

Несмотря на то, что оценки третьего поколения позволили устранить многие пробелы, оставленные инструментами оценки второго поколения, а также с учетом трансформации общественных отношений, были разработаны инструменты *оценки четвертого поколения*.

Оценки рисков четвертого поколения вносят коррективы в практику и систему планирования сопровождения освобожденных. Это два важнейших элемента, включенных в инструмен-

²⁰ Bonta, J., & Andrews, D. A. (2007). *Risk-Need-Responsivity Model for Offender Assessment and Rehabilitation*. Corrections research, user report2007-06.

²¹ Там же.

ты оценки четвертого поколения. Как и оценки третьего поколения, оценки рисков четвертого поколения связаны не только с риском, который человек может представлять для себя или сообщества, но и с его потребностями и ресурсами²². Важно, что инструменты оценки рисков четвертого поколения учитывают психическое здоровье человека (Hanson, 2009).

Следует отметить, что применяемая в настоящее время во многих странах, в том числе в Республике Казахстан, модель социальной реабилитации «Риск–потребность–ответственность» (RNR), созданная Д. Эндрюсом, Дж. Бонтой, также ориентирована на результаты оценки рисков преступного поведения²³.

Эта модель состоит из следующих трех основных принципов эффективной социальной реабилитации правонарушителей (Andrews, Bonta, & Wormith, 2011):

1. *Принцип риска* означает, что уровень интенсивности услуг, предоставляемых правонарушителям, должен соответствовать уровню риска, соответственно, интенсивная профилактическая работа должна проводиться с лицами с более высоким криминальным риском; что касается лиц с низким уровнем риска, то их собственные сильные стороны и ресурсы должны быть использованы в полной мере с самого начала, что означает, что вмешательства других субъектов должны быть минимальными.

2. *Принцип потребностей*: в данном случае важна ориентация на криминогенные потребности (на динамические факторы риска) или на такие потребности правонарушителя, которые функционально связаны с преступным поведением. Следующие восемь основных факторов различают следующие факторы риска / потребности: антисоциальное окружение, антисоциальные представления, антисоциальный характер личности, история антисоциального поведения (примечание: это постоянный фактор риска), злоупотребление психоактивными веществами, семья и / или супружеские отношения, учеба и / или работа, досуг и / или рекреация.

3. *Принцип ответственности*, который означает, что тип и методы вмешательства должны носить реабилитационный характер и соответствовать ресурсам и способностям правонарушителя.

Хотя общепризнано, что модель RNR, возможно, является одной из наиболее эффективных для оценки и социальной реабилитации правонарушителей, в настоящее время широко обсуждается применение модели хорошей жизни (GLM) (Ward, Mann, & Gannon, 2007). Частично основанная на методологии позитивной психологии и теории отказа от преступлений, эта модель предлагает реабилитацию правонарушителей, делая упор на сильных сторонах, которыми они обладают²⁴. Т. Уорд, Ш. Маруна рассматривают модель RNR скорее как дефицитарную модель – фиксирующую криминогенные потребности в противоположность выявлению того, что преступники ценят больше всего в жизни, и использованию этих позитивных факторов для предупреждения преступлений²⁵.

Авторы модели GLM утверждают, что в целях социальной реабилитации и снижения риска совершения преступлений необходимо учитывать не только криминогенные потребности (Ward, Mann, & Gannon, 2007). Реализация данной модели направлена на выявление «основных благ» правонарушителя – ценностей, которые наиболее тесно связаны с его самоощущением и целеустремленностью (интересами, способностями и устремлениями). «Хорошая

²² Campbell, M. A., French, S., & Gendreau, P. (2007). *Assessing the utility of risk assessment tools and personality measures in the prediction of violent recidivism for adult offenders*. Corrections research, user report 2007-04.

²³ Andrews, D. A., & Bonta, J. (2010). *The psychology of criminal conduct* (5th ed.). New Providence, NJ: LexisNexis Matthew Bender.

²⁴ Ward, T., & Maruna, S. (2007). *Rehabilitation: Beyond the Risk Paradigm*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203962176>

²⁵ Там же.

жизнь» описывается через основные блага – виды деятельности, опыт и ситуации, которые важны для человека (например, знания, профессионализм, здоровье, интересы и т. д.), при наличии которых возникает чувство удовлетворения и благополучия. Дж. Луман, Дж. Абрацен подчеркивают, что модель GLM не отрицает важности оценки риска преступного поведения, но приоритет отдается вопросам достижения жизненных целей способами, не совместимыми с совершением преступлений (Looman & Abracsen, 2013).

Представляется интересным предложение З. Ронена о возможной интеграции моделей GLM и RNR. Он предлагает интегрированную модель – модель риска, потребности, ответственности и мотивации (RNRM-model)²⁶.

За рубежом ключевым инструментом прогнозирования поведения является система оценки правонарушителей (OASys). OASys – это совместная инициатива служб пробации и пенитенциарных учреждений, которая была разработана главным образом для замены ранее существовавших инструментов, которые не в полной мере отвечали требованиям этих двух служб (Fitzgibbon & Green, 2006). OASys закрепила фундаментальные изменения в ценностях и профессиональной практике, произошедшие в службе пробации, а именно, сосредоточение внимания на защите общества, наказании несовершеннолетних правонарушителей, снижении уровня преступности и практике, основанной на доказательствах²⁷. Инструмент OASys предназначен для обеспечения непрерывного анализа рисков и криминогенных потребностей правонарушителей с самого начала их взаимодействия с органами пробации и пенитенциарными службами и до завершения сопровождения. Основные направления применения OASys: «1) оценить вероятность повторного совершения правонарушения; 2) определить и классифицировать потребности, связанные с правонарушением; 3) оценить риск причинения вреда, риски для личности и другие риски; 4) помочь в управлении риском причинения вреда; 5) увязать оценку с планом отбывания наказания; 6) указать на необходимость дальнейшего обследования специалистами; 7) изменить условия содержания во время отбывания наказания или пробационного надзора»²⁸.

При посредничестве международной общественной организации «Международная тюремная реформа» данная методика была предоставлена психологам ФСИН России для перевода и апробации²⁹. Однако операционализация данной методики в исправительных учреждениях и уголовно-исполнительных инспекциях Российской Федерации показала, что она является недостаточно дифференцирующим методическим инструментом в области оценки риска рецидива (Дядченко, 2017)³⁰.

Представляется, что при возникновении подобных проблем в ходе адаптации зарубежных методик будет полезным применение качественного анализа к содержанию пунктов опросника с целью повышения его релевантности культурному контексту, категории правонарушителей и социальному окружению.

²⁶ Ziv, R. (2016). *Moving Beyond the RNR and GLM Models: Building a New Vision for Offender Rehabilitation* [Doctoral dissertation, University of Cincinnati]. OhioLINK Electronic Theses and Dissertations Center. http://rave.ohiolink.edu/etdc/view?acc_num=ucin1479819588267395 (дата обращения: 12.03.2024).

²⁷ Home Office (2002). *Offender Assessment System: OASys. User Manual*, London: Home Office. <https://www.rma.scot/wp-content/uploads/2023/02/Offender-Assessment-System-OASys-2.pdf>

²⁸ *A compendium of research and analysis on the Offender Assessment System (OASys); studies completed between 2009 and 2013* (2015). <https://www.gov.uk/government/publications/research-and-analysis-on-the-offender-assessment-system> (дата обращения: 15.03.2024).

²⁹ Система оценки правонарушителя (СисОП): руководство пользователя (2005). Москва: PRI.

³⁰ Методические рекомендации «Система оценки осуждённых, освобождающихся условно-досрочно»: практическое пособие. (2010). Самара.

Таким образом, для обеспечения качества оценки необходимо постоянно обновлять инструменты, используемые для оценки рисков преступного поведения с учетом социокультурных условий.

Заключение

Актуальной проблемой до настоящего времени остается отсутствие нормативной регламентации психологического изучения лиц, состоящих под административным надзором, и инструмента оценки риска совершения преступлений.

Пригодность инструментов оценки рисков преступного поведения требует большего внимания в контексте реализации дифференцированного подхода к определению факторов риска применительно к различным категориям правонарушителей.

Одним из направлений дальнейших исследований является этическое и программное изучение различных критериев надежности инструментов для прогнозирования риска рецидива. Однако, учитывая сложность положений и норм законодательства, этики и морали (а также стереотипов в культуре и традициях), это может препятствовать созданию универсального и заслуживающего доверия инструмента оценки для прогнозирования риска рецидива.

Перспективной видится идея исследований гибридного взаимодействия искусственного интеллекта и человека, поскольку это повысит эффективность выполнения задач по прогнозированию рецидивов.

Список литературы

- Бабаев, М. М., Пудовочкин, Ю. Е. (2019). Феномен риска в контексте профилактической политики (криминальная рискология). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*, 10 (1), 136–148. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.110>
- Голенко, Д. В. (2018). Проблемы и ожидаемые результаты криминологического прогнозирования поведения лиц, отбывших наказание. *Юридический вестник Самарского университета*, 4 (2), 111–117. <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-2-111-117>
- Дебольский, М. Г. (2014). Проблемы риска рецидива при условно-досрочном освобождении осужденных [Электронный ресурс]. *Психология и право*. 4 (1). URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2014_n1/68316 (дата обращения: 12.03.2024)
- Дружининская, О. В., Титова, О. З. (2023). Репрезентация юридического понятия PROBATION в английской юридической терминологии. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 16 (12), 4277–4282. <https://doi.org/10.30853/phil20230650>
- Душкин, А. С. (2022). Прогнозирование преступлений лиц, состоящих под административным надзором: понятие и основные методы. В *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 30 сентября 2022 года, стр. 88–92). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Дядченко, Е. А. (2013). Проблема психологического прогноза рецидивных преступлений несовершеннолетних, отбывающих наказания, не связанные с лишением свободы. *Вестник Самарского юридического института*, 2 (10), 65–69.
- Дядченко, Е. А. (2017). Психологический прогноз рецидива (зарубежный опыт оценки риск-факторов у несовершеннолетних осужденных). В *Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России* (Самара, 1-2 июня 2017 года, Том Выпуск 5, часть 1, стр. 89–93). Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний.
- Мельникова, Д. В. (2022). Участие психолога в принятии решения о рекомендации осужденного к условно-досрочному освобождению. *Психология и право*, 12 (1), 30–43. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120103>

- Новиков, Е. Е. (2016). Об основах прогнозирования индивидуального поведения осужденных к альтернативным наказаниям и мерам. *Актуальные проблемы российского права*, 8 (69), 153–159. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2016.69.8.153-159>
- Потапов, А. М., Куликов, С. Г. (2022). Об особенностях постпенитенциарного контроля за лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, в уголовно-исполнительном законодательстве отдельных стран–участников Содружества Независимых Государств. *Ведомости уголовно-исполнительной системы*, 12 (247), 21–29. <https://doi.org/10.51522/2307-0382-2022-247-12-21-29>
- Alikhademi, K., Drobina, E., Prioleau, D., Richardson, B., Purves, D., & Gilbert, J. E. (2021). A review of predictive policing from the perspective of fairness. *Artificial Intelligence and Law*, 30 (1), 1–17.
- Andrews, D. A., Bonta, J., & Wormith, J. S. (2011). The Risk-Need-Responsivity (RNR) Model: Does adding the Good Lives Model contribute to effective crime prevention? *Criminal Justice and Behavior*, 38 (7), 735–755. <https://doi.org/10.1177/0093854811406356>
- Bullock, K. (2011). The Construction and Interpretation of Risk Management Technologies in Contemporary Probation Practice. *The British Journal of Criminology*, 51 (1), 120–135.
- Douglas, K. S., Hart, S. D., Webster, C. D., Belfrage, H., Guy, L. S., & Wilson, C. M. (2014). Historical-Clinical-Risk Management-20, Version 3 (HCR-20^{V3}): Development and Overview. *International Journal of Forensic Mental Health*, 13 (2), 93–108. <https://doi.org/10.1080/14999013.2014.906519>
- Fitzgibbon, W., & Green, R. (2006). Mentally Disordered Offenders: Challenges in using the OASys risk assessment tool. *British Journal of Community Justice*, 4.
- Grove, W. M., & Meehl, P. E. (1996). Comparative efficiency of informal (subjective, impressionistic) and formal (mechanical, algorithmic) prediction procedures: The clinical–statistical controversy. *Psychology, Public Policy, and Law*, 2 (2), 293–323. <https://doi.org/10.1037/1076-8971.2.2.293>
- Hanson, R. (2009). The psychological assessment of risk for crime and violence. *Canadian Psychology / Psychologie canadienne*, 50 (3), 172–182. <https://doi.org/10.1037/a0015726>
- Lancaster, E., & Lumb, J. (2006). The assessment of risk in the national probation service of England and Wales. *Journal of Social Work*, 6 (3), 275–291. <https://doi.org/10.1177/1468017306071176>
- Looman, J., & Abracen, J. (2013). The risk need responsivity model of offender rehabilitation: Is there really a need for a paradigm shift? *International Journal of Behavioral Consultation and Therapy*, 8 (3-4), 30–36. <https://doi.org/10.1037/h0100980>
- McKay, C. (2020). Predicting risk in criminal procedure: actuarial tools, algorithms, AI and judicial decision-making. *Current Issues in Criminal Justice*, 32 (1), 22–39. <https://doi.org/10.1080/10345329.2019.1658694>
- Farayola, M. M., Tal, I., Connolly, R., Saber, T., & Bendeche, M. (2023). Ethics and Trustworthiness of AI for Predicting the Risk of Recidivism: A Systematic Literature Review. *Information*, 14 (8), 426. <https://doi.org/10.3390/info14080426>
- Ward, T., Mann, R. E., & Gannon, T. A. (2007). The good lives model of offender rehabilitation: Clinical implications. *Aggression and Violent Behavior*, 12 (1), 87–107. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2006.03.004>

References

- Babaev, M. M., Pudovochkin, Yu. E. (2019). Fenomen riska v kontekste profilakticheskoy politiki (kriminal'naya riskologiya). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*, 10 (1), 136–148. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.110>

- Golenko, D. V. (2018). Problemy i ozhidaemye rezultaty kriminologicheskogo prognozirovaniya povedeniya lic, otbyvshih nakazanie. *Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta*, 4 (2), 111–117. <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2018-4-2-111-117>
- Debol'skij, M. G. (2014). Problemy riska recidiva pri uslovno-dosrochnom osvobozhdenii osuzhdennyh [Elektronnyj resurs]. *Psihologiya i pravo*. 4 (1). URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2014_n1/68316 (data obrashcheniya: 12.03.2024)
- Druzhininskaya, O. V., Titova, O. Z. (2023). Reprezentaciya yuridicheskogo ponyatiya PROBATION v anglijskoj yuridicheskoy terminologii. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 16 (12), 4277–4282. <https://doi.org/10.30853/phil20230650>
- Dushkin, A. S. (2022). Prognozirovanie prestuplenij lic, sostoyashchih pod administrativnym nadzorom: ponyatie i osnovnye metody. V *Rossijskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Sankt-Peterburg, 30 sentyabrya 2022 goda, str. 88–92)*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Dyadchenko, E. A. (2013). Problema psihologicheskogo prognoza recidivnyh prestuplenij nesovershennoletnih, otbyvayushchih nakazaniya, ne svyazannye s lisheniem svobody. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*, 2 (10), 65–69.
- Dyadchenko, E. A. (2017). Psihologicheskij prognoz recidiva (zarubezhnyj opyt ocenki risk-faktorov u nesovershennoletnih osuzhdennyh). V *Yuridicheskaya nauka i praktika: al'manah nauchnyh trudov Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii (Samara, 1-2 iyunya 2017 goda, Tom Vypusk 5, chast' 1, str. 89–93)*. Samara: Samarskij yuridicheskij institut Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy.
- Mel'nikova, D. V. (2022). Uchastie psihologa v prinyatii resheniya o rekomendacii osuzhdenного k uslovno-dosrochnomu osvobozhdeniyu. *Psihologiya i pravo*, 12 (1), 30–43. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120103>
- Novikov, E. E. (2016). Ob osnovah prognozirovaniya individual'nogo povedeniya osuzhdennyh k al'ternativnym nakazaniyam i meram. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*, 8 (69), 153–159. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2016.69.8.153-159>
- Potapov, A. M., Kulikov, S. G. (2022). Ob osobennostyah postpenitenciarного kontrolya za licami, otbyvshimi nakazanie v vide lisheniya svobody, v ugovovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve ot del'nyh stran–uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv. *Vedomosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy*, 12 (247), 21–29. <https://doi.org/10.51522/2307-0382-2022-247-12-21-29>
- Alikhademi, K., Drobina, E., Prioleau, D., Richardson, B., Purves, D., & Gilbert, J. E. (2021). A review of predictive policing from the perspective of fairness. *Artificial Intelligence and Law*, 30 (1), 1–17.
- Andrews, D. A., Bonta, J., & Wormith, J. S. (2011). The Risk-Need-Responsivity (RNR) Model: Does adding the Good Lives Model contribute to effective crime prevention? *Criminal Justice and Behavior*, 38 (7), 735–755. <https://doi.org/10.1177/0093854811406356>
- Bullock, K. (2011). The Construction and Interpretation of Risk Management Technologies in Contemporary Probation Practice. *The British Journal of Criminology*, 51 (1), 120–135.
- Douglas, K. S., Hart, S. D., Webster, C. D., Belfrage, H., Guy, L. S., & Wilson, C. M. (2014). Historical-Clinical-Risk Management-20, Version 3 (HCR-20^{V3}): Development and Overview. *International Journal of Forensic Mental Health*, 13 (2), 93–108. <https://doi.org/10.1080/14999013.2014.906519>
- Fitzgibbon, W., & Green, R. (2006). Mentally Disordered Offenders: Challenges in using the OASys risk assessment tool. *British Journal of Community Justice*, 4.
- Grove, W. M., & Meehl, P. E. (1996). Comparative efficiency of informal (subjective, impressionistic) and formal (mechanical, algorithmic) prediction procedures: The clinical–statistical controversy. *Psychology, Public Policy, and Law*, 2 (2), 293–323. <https://doi.org/10.1037/1076-8971.2.2.293>
- Hanson, R. (2009). The psychological assessment of risk for crime and violence. *Canadian Psychology / Psychologie canadienne*, 50 (3), 172–182. <https://doi.org/10.1037/a0015726>
- Lancaster, E., & Lumb, J. (2006). The assessment of risk in the national probation service of England and Wales. *Journal of Social Work*, 6 (3), 275–291. <https://doi.org/10.1177/1468017306071176>

- Looman, J., & Abracen, J. (2013). The risk need responsivity model of offender rehabilitation: Is there really a need for a paradigm shift? *International Journal of Behavioral Consultation and Therapy*, 8 (3-4), 30–36. <https://doi.org/10.1037/h0100980>
- McKay, C. (2020). Predicting risk in criminal procedure: actuarial tools, algorithms, AI and judicial decision-making. *Current Issues in Criminal Justice*, 32 (1), 22–39. <https://doi.org/10.1080/10345329.2019.1658694>
- Farayola, M. M., Tal, I., Connolly, R., Saber, T., & Bendeche, M. (2023). Ethics and Trustworthiness of AI for Predicting the Risk of Recidivism: A Systematic Literature Review. *Information*, 14 (8), 426. <https://doi.org/10.3390/info14080426>
- Ward, T., Mann, R. E., & Gannon, T. A. (2007). The good lives model of offender rehabilitation: Clinical implications. *Aggression and Violent Behavior*, 12 (1), 87–107. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2006.03.004>

Информация об авторах

Антон Сергеевич Душкин – начальник кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук, доцент.

Елена Сергеевна Федотова – начальник центра по подготовке специалистов психологов и проведению социологических исследований Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева.

About the authors:

Anton S. Dushkin – Head of the Department of Pedagogy and Psychology of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Cand. Sci. (Psychol.), Docent.

Elena S. Fedotova – Head of the center for Training Psychologists and conducting Sociological Research of the Kostanay Academy of the Internal Affairs Ministry of the Republic of Kazakhstan named after Shrakbek Kabylbayev.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Authors' contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article. The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 02.04.2024; одобрена после рецензирования 14.04.2024; Опубликована 28.04.2024

Submitted April 02, 2024; Approved after reviewing April 14, 2024; Accepted April 28, 2024